

И.А. Литвиновский, Ю.И. Литвиновская

**СОВЕТСКИЙ СОЮЗ И ГЕРМАНСКИЙ ВОПРОС
НА ЗАВЕРШАЮЩЕМ ЭТАПЕ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(январь 1944 г. – май 1945 г.)**

В статье рассматривается позиция Советского Союза, США и Великобритании по вопросам послевоенного будущего Германии. В СССР эта проблема всесторонне прорабатывалась тремя комиссиями, состоявшими из представителей академических кругов, дипломатов и военных созданных при Наркомате иностранных дел. Многие из их рекомендаций нашло своё воплощение в решениях Ялтинской и Потсдамской конференций. Это были меры экономического, политического и территориального характера. В концентрированном виде союзнические решения по Германии в плане её послевоенного будущего заключались в её демилитаризации, демократизации, денацификации и декартелизации.

The article examines the position of the Soviet Union, the United States, and the United Kingdom on the post-war future of Germany. In the USSR, this problem was thoroughly worked out by three commissions consisting of representatives of the academic community, diplomats and military created under the people's Commissariat of foreign Affairs. Many of their recommendations were implemented in the decisions of the Yalta and Potsdam conferences. These were economic, political and territorial measures. In a concentrated form, the allied solutions for Germany in terms of its post-war future were its demilitarization, democratization, denazification, and decartelization.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, послевоенное будущее Германии, Крымская конференция, возмещение ущерба, предложения союзников, Потсдамская конференция.

Keywords: The great Patriotic war, the post-war future of Germany, the Crimean conference, reparations, allied proposals, the Potsdam conference.

Вступление Советского Союза в начале 1944 г. в новый период Великой Отечественной войны повлекло за собой и необходимость решения целого ряда специфических проблем связанных с особенностями процесса завершения войны в Европе. Приоритетным здесь являлся вопрос послевоенного урегулирования, создания основ нового миропорядка, призванного обеспечить мирное будущее человечеству. Советское видение послевоенного мира в Европе было изложено 6 ноября 1943 г. в докладе И.В. Сталина посвящённом 26-й годовщине Октябрьской революции. Оно содержало пять ключевых задач:

освободить народы Европы от фашистских захватчиков и оказать им содействие в воссоздании своих национальных государств, расчленённых фашистскими поработителями, — народы Франции, Бельгии, Югославии, Чехословакии, Польши, Греции и других государств, находящихся под немецким игом, вновь должны стать свободными и самостоятельными;

предоставить освобождённым народам Европы полное право и свободу самим решать вопрос об их государственном устройстве;

принять меры к тому, чтобы все фашистские преступники, виновники нынешней войны и страданий народов, в какой бы стране они ни скрывались, понесли суровое наказание и возмездие за все совершённые ими злодеяния;

установить такой порядок в Европе, который бы полностью исключал возможность новой агрессии со стороны Германии;

создать длительное экономическое, политическое и культурное сотрудничество народов Европы, основанное на взаимном доверии и взаимной помощи в целях восстановления разрушенного немцами хозяйства и культуры [1, с. 118–119].

В целях конкретной проработки вопросов связанных не только с германской проблемой, но и в целом с мирным урегулированием в Европе в сентябре 1943 г. постановлением СНК СССР в соответствии с решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 4 сентября 1943 г. при наркомате иностранных дел создаются две комиссии — по вопросам мирных договоров и послевоенного устройства и по вопросам перемирия.

Первую из них возглавлял М.М. Литвинов, а в её состав входили С.А. Лозовский, Д.З. Мануильский, Я.З. Суриц, Г.Ф. Саксин, Е.В. Тарле и Б.Е. Штейн. Несколько позже, после отбытия Г.Ф. Саксина в Лондон, его место в комиссии занял М.М. Юнин.

Председателем второй комиссии был К.Е. Ворошилов. Она состояла из видных советских дипломатов и военных, таких как Б.М. Шапошников, В.П. Потёмкин, И.М. Майский, А.А. Игнатьев, М.Р. Галактионов, С.Б. Крылов, С.Т. Базаров. 9 сентября в состав комиссии был дополнительно включён адмирал И.С. Исаков. 29 июня 1944 г. Комиссия по вопросам перемирия была преобразована в Комиссию по перемирию с Германией [2, с. 665].

В ноябре 1943 г., в соответствии с решением Политбюро, постановлением Совнаркома при наркомате иностранных дел была образована ещё одна структура — Комиссия по возмещению ущерба, нанесённого Советскому Союзу гитлеровской Германией и её союзниками. Работой этой комиссии руководил И.М. Майский. В неё были включены видные учёные, ответственные работники Госплана, наркоматов иностранных дел и внешней торговли: Е.С. Варга, В.В. Кузнецов, Е.И. Бабарин, Г.П. Аркадьев, М.З. Сабуров, Н.М. Силуянов [2, с. 677].

С июня 1943 г. в Москве начал выходить журнал «Война и рабочий класс» (впоследствии журнал «Новое время»), на страницах которого началось активное обсуждение вопросов послевоенного будущего мира. В журнале часто высказывались самые полярные точки зрения, порой не

весьма приятные для союзников СССР. В Москве также пристально следили и за действиями партнёров СССР по антигитлеровской коалиции. Здесь уместно отметить, что коалиция существовала и действовала в непростых условиях. У каждой участвовавшей в ней стране были собственные конечные цели войны. И они не во всём совпадали. И это несовпадение целей порой было сопряжено с некоторыми действиями которые вызывали настороженность партнёров. Так 17 января 1944 г. «Правда» опубликовала материал собственного корреспондента в египетской столице Каире, в котором, со ссылкой на заслуживающие доверия источники, говорилось об имевшей место секретной встрече министра иностранных дел Германии И. фон Риббентропа с высокопоставленными представителями английского правительства. На встрече обсуждались возможность и условия заключения сепаратного мира с Германией [3, с. 459].

Реакция У. Черчилля была жёсткой. «Я не могу пройти мимо исключительно плохого впечатления, создавшегося здесь в связи с сообщением «Правды», которое было предано Советским Правительством столь широкой официальной гласности, — писал он Сталину 24 января. — Даже лучшие друзья Советской России в Англии были сбиты с толку. Это сообщение тем более оскорбительно, что мы не можем понять его подоплёку. ... Мы не думали о заключении сепаратного мира даже в тот год, когда мы были совсем одни и могли бы легко заключить такой мир без серьёзных потерь для Британской Империи и в значительной степени за Ваш счёт» [3, с. 226].

Не обошёл вниманием У. Черчилль и критические публикации, появляющиеся в журнале «Война и рабочий класс». «Каждый день я получаю длинные выдержки из журнала «Война и рабочий класс», который, кажется, предпринимает постоянные нападки слева на нашу администрацию в Италии и политику в Греции, — писал Черчилль Сталину в этом же послании. ... Поскольку эти нападки делаются открыто в советских газетах, которые в иностранных делах, как это, правильно или неправильно, полагают, не отклоняются от политики Советского Союза, то расхождения между нашими правительствами становится серьёзным парламентским вопросом» [3, с. 226].

Ответ Сталина от 29 января был сдержанным, примирительным: «Что касается сообщения «Правды», то ему не стоит придавать чрезмерного значения, как нет основания и оспаривать право газеты печатать сообщения о слухах, полученных от проверенных агентов газеты».

Но в то же время советский лидер выразил большое сомнение в том, что заключение когда-либо сепаратного мира с Германией могло быть осуществлено «без серьёзных потерь для Британской Империи», указал на взаимозависимость судеб союзников в этой войне и на то, что, как признавал сам Черчилль «именно Советский Союз, развернув свою борьбу с Гитлером, устранил опасность, безусловно угрожавшую Великобритании со стороны Германии» [3, с. 229].

Что же касается не понравившихся в Лондоне публикаций в журнале «Война и рабочий класс», то «...могу лишь сказать, — ответил Сталин, — что это профсоюзный журнал, за статьи которого Правительство не может нести ответственности. Впрочем, журнал, как и другие наши журналы верен основному принципу — укреплению дружбы с союзниками, что не исключает, а предполагает и дружественную критику» [3, с. 230].

Здесь следует отметить, что полного единства взглядов среди советского экспертного сообщества по германской проблеме не существовало. Наиболее жёсткой позиции придерживались члены комиссии М.М. Литвинова. Их взгляды в наиболее концентрированном виде представлены в документе «Обращение с Германией». Основные мысли изложенные в нём сводились к уничтожению очага агрессии в Центральной Европе путём ликвидации военного потенциала Германии, денацификации страны, отчуждения территорий и расчленения страны [2, с. 419–454].

15 ноября 1945 г. состоялось итоговое заседание Комиссии о результатах которого М.М. Литвинов уведомил В.М. Молотова, представив протокол заседания. М.М. Литвинов также предложил наркому поставить перед СНК СССР вопрос о ликвидации Комиссии в связи с выполнением всех возложенных на неё задач [2, с. 665].

Характеризуя итоги работы комиссии возглавляемой заместителем наркома иностранных дел И.М. Майским следует отметить документ направленный в адрес наркома В.М. Молотова 11 января 1944 г. Он был посвящён вопросам будущего мира и послевоенного устройства. Это подробная аналитическая записка в которой затрагиваются вопросы границ Советского Союза и его места в мире, послевоенного будущего Германии, Европы и мира в целом, экономических отношений между союзниками, создания международных органов для сохранения мира [2, с. 333–360].

Итоговым документом, подготовленным Комиссией по возмещению ущерба, нанесённого Советскому Союзу была обширная записка «Основные линии репарационной программы СССР», представленная за подписью И.М. Майского В.М. Молотову 28 июля 1944 г. [2, с. 506–516]. Записка представляет собой объёмный документ, состоящий из десяти глав в которых были определены виды и размеры нанесённого СССР ущерба, рассматриваются возможности приобретения союзниками собственности в Германии и верхняя граница возможных изъятий. Касаясь методологии построения репарационных требований, программа предусматривала две формы репараций: единовременные изъятия и ежегодные платежи сроком на 10 лет поставками, деньгами, трудом и т.п. Прямые материальные потери СССР по предварительным подсчётам комиссии И.М. Майского составляют «никак не меньше 700–800 млрд. рублей, т.е. 130–150 млрд. долларов». Оценивая возможные репарационные поставки из Германии на протяжении 10-летнего периода в 58–63 млрд. долларов, Комиссия по возмещению ущерба считала, что «гораздо более серьёзным источником репарационных платежей, чем натуральные поставки, может явиться германский труд. При

условии, что среднее годовое число трудообязанных составит около 5 млн. человек, общая сумма репараций на протяжении 10 лет по этой рубрике может достигнуть примерно 35–40 млрд. долларов» [2, с. 508, 514, 687].

Разработанная комиссией репарационная программа СССР исходила в том числе из необходимости сохранения «...минимального народнохозяйственного «прожиточного минимума», который при всяких условиях придётся оставить Германии, построив его на базе «среднеевропейского» уровня жизни» [2, с. 511].

Рассматривая вопросы связанные с послевоенным урегулированием и германской проблемой в особенности, необходимо отметить, что по решению, проходившей в октябре 1943 г. в Москве конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании учреждалась Европейская Консультативная Комиссия (ЕКК) как механизм обеспечивающий «...теснейшее сотрудничество между тремя правительствами при изучении европейских вопросов, возникающих из развития войны». Её местопребыванием определялся Лондон [4, с. 312].

На случай обсуждения в ЕКК репарационных требований Советского Союза И.М. Майский писал в своей Памятной записке Председателю СНК СССР И.В. Сталину от 20 декабря 1944 г.: «...сумму в 10 млрд. долларов, как мне кажется, мы должны выдвинуть в качестве нашего минимального требованиям по репарациям в порядке единовременных изъятий и ежегодных поставок (без труда). ... Сумму наших претензий в размере 10 млрд. долларов никак нельзя назвать чрезмерной — особенно с учётом колоссального ущерба, нанесённого нам войной» [2, с. 591–592].

Говоря об итогах работы комиссии Майского можно отметить, что её рекомендации нацелены были на применение репарационных требований к Германии, в том числе и репараций трудом в течение длительного срока (не менее 10 лет) с целью как скорейшего возмещения нанесённого ущерба СССР и другим странам, так и ослабления экономического потенциала Германии. Задача состояла в том, чтобы «обезвредить» Германию на 30–50 лет.

Вместе с тем И.М. Майский не исключал и возможности смягчения требований. «Конечно, — писал он, — ничто не стоит на месте, и тяжёлый пресс, под который попадёт Германия после войны, можно и должно будет постепенно развинчивать в соответствии с успехами того перевоспитания немецкого народа, о котором я говорил выше. Если и когда немецкий народ искренне станет на рельсы создания социалистической Германии, пресс может быть и совсем снят. Но это пока ещё музыка будущего. Ближайший период после войны должен стоять под знаком возмездия, которое Германия заслуженно понесёт за совершённые ею преступления» [2, с. 335–336].

Вместе с тем, авторы-составители документального сборника «СССР и германский вопрос. 1941–1949» Г.П. Кынин и Й. Лауфер отмечают, что в отличие, например, от документов по вопросам военного перемирия в Архиве внешней политики Российской Федерации нет подтверждений того,

что документы по вопросу о репарациях утверждались руководством СССР. В наркоминделе с самого начала исходили из конфликтности репарационного вопроса в отношениях между союзниками. Как на Московской конференции министров иностранных дел, так и в следующем, 1944 году, советское правительство не воспользовалось возможностью обсудить предложения западных держав, направленные на согласование совместной репарационной политики. Только накануне Крымской конференции советское руководство решилось дать указание разработать конкретные предложения по репарациям. Эти предложения были изложены в записках на имя И.В. Сталина и В.М. Молотова, направленных И.М. Майским в декабре 1944, январе 1945 гг. Однако, несмотря на обсуждение этой темы в Крыму, до конца войны не было найдено решение вопроса о репарациях [2, с. 21].

Оценивая результативность работы комиссий, созданных при наркомате иностранных дел для выработки направления решений в послевоенный период как германских, так и европейских проблем в целом, авторы-составители сборника документов «СССР и германский вопрос. 1941–1949» отмечали, что «Среди этих трёх комиссий главное место занимала комиссия К.Е. Ворошилова. Это объяснялось тем, что она имела прямое отношение к переговорам союзников в рамках ЕКК в Лондоне, и выражалось в том, что наиболее важные разработанные ею проекты документов утверждались лично И.В. Сталиным» [2, с. 26].

Комиссия по вопросам перемирия, которую возглавлял маршал К.Е. Ворошилов работала с 6 сентября 1943 г. по 29 июня 1944 г. За это время, как значится в её отчёте, она провела 55 заседаний [5, с. 62].

Одним из наиболее значимых документов разработанных комиссией был «Документ о безоговорочной капитуляции Германии». Работа над ним была завершена 3 февраля 1944 г. Проект документа состоит из 158 статей, объединённых в двадцать разделов. Он затрагивает широкий круг вопросов означенной проблемы: разоружения всех видов войск, процесса демобилизации личного состава, возвращения военнопленных и гражданского населения Объединённых Наций, денацификации Германии, т.е. роспуска национал-социалистической партии и различного рода организаций, контролируемых ею, искоренения национал-социалистической идеологии, предания суду виновников войны, контроля над экономикой Германии, обязательств по репарациям и др. [2, с. 365–392].

Составленный на основе этого обширного документа проект кратких «Условий капитуляции Германии» 12 февраля 1944 г. был утверждён Сталиным и в тот же день отправлен послу СССР в Лондоне Ф.Т. Гусеву для представления его в Европейскую Консультативную Комиссию [2, с. 409–417].

Обсуждение трёх проектов об условиях капитуляции Германии (советского, американского и английского) происходило в ЕКК в период с 18 февраля по 10 июня 1944 г. 25 июля 1944 г. текст документа был подписан на

официальном заседании Комиссии и направлен на утверждение правительствам трёх союзных держав [2, с. 680].

За время своего существования с декабря 1943 г. по август 1945 г., когда по решению Потсдамской конференции союзников она прекратила свою работу, ЕКК подготовила 12 официальных соглашений по германскому, австрийскому и болгарскому вопросам, которые подводили черту под итогами Второй мировой войны в Европе. Среди них: Документ о безоговорочной капитуляции Германии, Декларация о поражении Германии и взятии на себя верховной власти в отношении Германии, Протокол о зонах оккупации Германии и об управлении «Большим Берлином», Соглашение о контрольном механизме в Германии и др. [2, с. 678].

Вопрос о послевоенном будущем Германии прорабатывался союзниками как на академическом уровне, так и в структурах занимавшихся решением текущих внешнеполитических проблем. Идея раздела Германии на несколько государств имела широкую поддержку как в высшем руководстве СССР, иначе она не была бы озвучена И.В. Сталиным в декабре 1941 г. на англо-советских переговорах в Москве, так и среди определённых кругов научной общественности, работавшей в сфере международных экономических и политических отношений, о чём свидетельствует записка сотрудников Института мирового хозяйства и мировой экономики АН СССР Вишнёва, Карра и Гуревича об экономических и военных последствиях расчленения Германии. Докладная записка была направлена директором института академиком Е.С. Варга заместителю наркома иностранных дел М.М. Литвинову [2, с. 136–139; 252–263].

Две из трёх комиссий, образованных при наркоминделе — комиссия М.М. Литвинова и комиссия И.М. Майского во взглядах на послевоенное будущее Германии придерживались этой же точки зрения. Об этом свидетельствуют их выводы содержащиеся в записках на имя наркома иностранных дел В.М. Молотова по итогам работы комиссий от 11 января 1944 г. (комиссия И.М. Майского) и 9 марта 1944 г. (комиссия М.М. Литвинова) [2, с. 336, 449].

Очевидно, что мысли о возможности принятия даже самых крайних мер в отношении Германии в Советском Союзе были вызваны тяжелейшими испытаниями и бедствиями которые принесла война. В этих условиях Советское правительство не могло не учитывать возможности угрозы возрождения германского милитаризма и реваншизма. В своих воспоминаниях американский посол военного времени в Москве А. Гарриман писал, что опасения Советского правительства были совершенно искренними. И.В. Сталин в нескольких случаях говорил ему «о своём беспокойстве, что история повторяется и что после войны германский милитаризм возродится, если только мы не примем меры, чтобы помешать этому» [6, с. 19].

Вопрос о расчленении Германии обсуждался союзниками на Тегеранской конференции, он был включён в повестку дня и на конференции

в Ялте. По итогам напряжённой дискуссии 5-6 февраля, 7 февраля 1945 г. главы правительств одобрили подготовленное тремя министрами иностранных дел В.М. Молотовым, А. Иденом и Э. Стеттиниусом решение о создании из представителей СССР, США и Великобритании комиссии для изучения вопроса о процедуре расчленения Германии [6, с. 118, 232]. Комиссию возглавил министр иностранных дел Великобритании А. Иден. В неё вошли советский посол в Лондоне Ф.Т. Гусев и американский Д. Вайнант.

Проблемам связанным с расчленением Германии на Крымской конференции уделялось много внимания, но несмотря на остроту дискуссии, отсутствовали конкретные предложения. Видимо это побудило Ф. Рузвельта заявить, что насколько он понимает, вопросы, поставленные маршалом Сталиным, касаются перманентного состояния. Однако они вытекают из вопроса о зонах оккупации Германии. Может быть, эти зоны будут первым шагом к расчленению Германии.

На это Сталин заявил, что если союзники предполагают расчленить Германию, то так и надо сказать [6, с. 60].

Лейтмотивом высказываний союзников по данной проблеме, и в первую очередь У. Черчилля, который наиболее активно участвовал в её обсуждении были высказывания в пользу территориального ослабления Германии, а вопрос о её расчленении нуждается в дополнительной проработке.

Лондонская комиссия по изучению процедуры расчленения Германии начала свою работу 7 марта 1945 г. Ознакомившись с документами представленными западными странами, советские дипломаты пришли к заключению, что союзники намерены «переложить инициативу в данном вопросе исключительно на нас» [2, с. 609–614].

В этих условиях в Москве было принято решение прекратить обсуждение этого вопроса. 24 марта советскому послу в Лондоне была направлена телеграмма наркома иностранных дел В.М. Молотова следующего содержания: «Как Вам, тов. Гусев, известно, англичане и американцы, которые первыми поставили вопрос о расчленении Германии, хотят теперь свалить на СССР ответственность за расчленение с целью очернить наше государство в глазах мирового общественного мнения. Чтобы отнять у них такую возможность, нужно внести указанное выше предложение». В этом предложении говорилось: «Советское правительство понимает решение Крымской конференции о расчленении Германии не как обязательный план расчленения Германии, а как возможную перспективу для нажима на Германию с целью обезопасить её в случае, если другие средства окажутся недостаточными» [2, с. 626]. После этого заявления сделанного Советским Союзом, созданная по решению Крымской конференции Комиссия по расчленению Германии фактически прекратила свою работу.

Своеобразным резюме этой острой проблемы, волновавшей союзников по антигитлеровской коалиции может служить заключение содержащееся на

страницах восьмого тома двенадцатитомного издания «Великая Отечественная война 1941–1945 годов», который посвящён внешней политике и дипломатии Советского Союза в годы войны: «Очень важным, но весьма сложным был вопрос о расчленении Германии, который уже поднимался каждой из ведущих держав антигитлеровской коалиции и обсуждался между ними. С одной стороны, расчленение — вроде бы лучший способ наказать и ослабить противника, чтобы не допустить угрозы реванша в будущем. С другой, кто возьмёт инициативу и ответственность за это если не перед нынешним поколением немцев, ассоциировавшимся с нацизмом, то перед будущими? И как это потом скажется на отношениях Германии (точнее германских государств) с державами-победителями?» [7, с. 338]. А поэтому неслучайно 9 мая 1945 г. в обращении к советскому народу И.В. Сталиным было заявлено: «Германия разбита наголову. Германские войска капитулируют. Советский Союз торжествует победу, хотя он и не собирается ни расчленять, ни уничтожать Германию» [8, с. 45].

В конечном итоге, с поражением Германии в войне, к началу работы Потсдамской конференции союзных держав (17 июля – 2 августа 1945 г.) проблема расчленения Германии стала уже неактуальной [7, с. 617–618].

Серьёзным приоритетом советской внешней политики был вопрос о репарациях с Германии. И.В. Сталин инициировал его обсуждение уже на второй день работы Крымской конференции — 5 февраля. Основные положения советского плана были изложены заместителем наркома иностранных дел И.М. Майским. Репарационные платежи согласно этому плану должны будут изыматься с Германии в течение 10 лет, причём не деньгами, а натурой. Натуральные платежи должны будут осуществляться в двух формах: единовременные изъятия и ежегодные товарные поставки. Планировалось демонтировать 80 проц. оборудования тяжёлой промышленности и 100 проц. авиастроения, производства синтетического топлива, военных предприятий. СССР намеревался получить в рамках этой программы не менее 10 млрд. долларов [6, с. 70–71].

Как отмечается в российской историографии «Главы британской и американской делегаций с противоречивыми чувствами выслушали сообщение И. Майского. С одной стороны, они, безусловно, признавали право любой страны на возмещение ущерба, который им принесла агрессия Германии, но с другой — им показались нереалистичными и даже вредными принципы, положенные в основу советского репарационного плана» [7, с. 475].

Противостояние развернулось вокруг общей суммы репараций. Решительным противником обозначения такой суммы был У. Черчилль. Согласованный протокол удалось подписать только в последний день конференции 11 февраля. В нём отмечалось, что для выработки подробного репарационного плана в Москве будет образована межсоюзническая комиссия по репарациям. Что же касается определения общей суммы репараций, а также её распределения между пострадавшими в войне

странами советская и американская делегации согласились, что «Московская комиссия по репарациям в первоначальной стадии своей работы примет в качестве базы для обсуждения предложение Советского правительства о том, что общая сумма репараций ... должна составлять 20 миллиардов долларов и что 50% этой суммы идёт Советскому Союзу». Британская делегация считала, что впредь до рассмотрения вопроса о репарациях московской комиссией не могут быть названы никакие их цифры.

Вышеприведённое советско-американское предложение передано московской комиссии по репарациям в качестве одного из подлежащих для рассмотрения [6, с. 215].

Московская комиссия провела 37 заседаний, но все они оказались безрезультатными. Солидарной политики по репарационному вопросу союзникам выработать не удалось. Не была согласована ни общая сумма репараций с Германией, ни её доля причитающаяся СССР [7, с. 624]. В протоколе Потсдамской конференции союзных держав было зафиксировано, что репарационные претензии СССР будут удовлетворены изъятиями из зоны Германии, оккупированной СССР и из соответствующих германских вложений за границей. В дополнение к этому Советскому Союзу причиталось 15 проц. оборудования, которое не являлось необходимым для германского мирного хозяйства и изымалось в западных зонах оккупации в обмен на эквивалентную стоимость в продовольствии и сырье, а 10 проц. в счёт репараций без оплаты или возмещения.

Советское правительство отказывалось от всех претензий на золото, захваченное союзными войсками в Германии и на акции германских предприятий и германские активы во всех странах кроме Восточной зоны оккупации Германии, Восточной Австрии, Болгарии, Венгрии, Румынии и Финляндии. СССР также должен был удовлетворить из своей доли репараций репарационные претензии Польши [8, с. 434–436].

Германский вопрос занял главное место в работе Потсдамской конференции. Главами союзных держав был рассмотрен широкий круг проблем, вытекавших из факта разгрома и капитуляции гитлеровской Германии и завершения войны в Европе. Послевоенное будущее Германии определялось согласованной позицией союзников, изложенной в документе «Политические и экономические принципы, которыми необходимо руководствоваться при обращении с Германией в начальный контрольный период», который был подписан 1 августа 1945 г. И. Сталиным, Г. Труменом и К.Р. Эттли [9, с. 430–445].

Эти принципы предусматривали проведение широких мероприятий по демилитаризации, демократизации и денацификации Германии. С этой целью должно быть осуществлено полное разоружение Германии и ликвидация всей военной промышленности, ликвидация национал-социалистической партии, её учреждений и организаций, наказание военных преступников, реконструкция политической жизни в стране на демократической основе.

Что же касается экономических принципов, то в принятом конференцией документе было сказано, что «Германия должна рассматриваться как единое экономическое целое». Вместе с тем «... германская экономика должна быть децентрализована с целью уничтожения существующей чрезмерной концентрации экономической силы, представленной особенно в форме картелей, синдикатов, трестов и других монополистических соглашений» [9, с. 430–434].

Реализация всех этих задач должно было, как значилось в документах Крымской конференции, способствовать созданию «... гарантий в том, что Германия никогда больше не будет в состоянии нарушить мир всего мира» [5, с. 247–248]. Оно возлагалось на создаваемый по решению Потсдамской конференции коалиционный орган союзников — Контрольный Совет, куда входили Главнокомандующие вооружённых сил союзных держав, осуществлявшие в соответствии с Соглашением о контрольном механизме в Германии верховную власть каждый в своей зоне оккупации, по инструкциям своих правительств, а также совместно по вопросам, затрагивающим Германию в целом [9, с. 450]. Контрольный совет работал с 30 августа 1945 г. по март 1948 г., когда по инициативе советской стороны он прекратил свою деятельность [10, с. 9].

В целом, характеризуя подходы союзных держав по управлению Германией в период её оккупации, т.е. в 1945–1949 гг. можно отметить, что несмотря на то, что ещё в ходе войны было достигнуто согласие о единстве принципов политики в решении германского вопроса на практике она корректировалась в соответствии с изменениями международной обстановки и, в частности, характера отношений между бывшими союзниками по войне с Германией и взглядов на роль и место Германии в мире.

Что же касается Советского Союза, то как отмечается в российской историографии «Накануне разгрома фашизма Сталин сформулировал лишь некоторые принципиальные, но разрозненные положения о путях решения германского вопроса после войны. Возможно, это было сделано сознательно, ибо советское руководство не было заинтересовано в оформлении и преждевременном обнародовании цельной концепции, так как некоторые её аспекты могли вызвать неприятие со стороны мировой общественности и создать угрозу единству антигитлеровской коалиции» [10, с. 6–7].

Вспоминая о разговоре с писателем Ф. Чуевым события тридцатилетней давности В.М. Молотов говорил в ноябре 1974 г.: «Они (союзники — И.Л., Ю.Л.) конечно против нас ожесточились, а нам надо было закрепить то, что завоёвано. Из части Германии сделать свою, социалистическую Германию ... надо было везде наводить порядок. Прижимать капиталистические порядки. Вот «холодная война» [11, с. 86].

В конечном итоге, задекларированные в решениях Потсдамской конференции намерения союзников проводить согласованную политику в германском вопросе и сохранить единство Германии не привели к успеху и

на её территории в 1949 г. возникли два германских государства — ФРГ и ГДР.

Литература

1. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. — М.: ОГИЗ, Государственное изд-во политической лит-ры, 1946. — Т. 1. 22 июня 1941 г. – 31 декабря 1943 г. — 803 с.
2. СССР и германский вопрос. 1941 – 1949: Документы из Архива внешней политики Российской Федерации. В 2-х т. — М.: Междунар. отношения, 1996. — Т. 1: 22 июня 1941 г. – 8 мая 1945 г. — 784 с.
3. Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. В 2-х т. — М.: Политиздат, 1976. — Т. 1. Переписка с У. Черчиллем и К. Эттли. — 472 с.
4. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг.: Сборник документов. — М.: Политиздат, 1984. — Т. 1. Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19 – 30 октября 1943 г.). — 384 с.
5. Филитов, А.М. Германия в советском внешнеполитическом планировании. 1941 – 1990 / А.М. Филитов. — М.: Наука, 2009. — 333 с.
6. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941 – 1945 гг.: Сборник документов. — М.: Политиздат, 1984. — Т. 4. Крымская конференция руководителей трёх союзных держав — СССР, США и Великобритании (4 – 11 февраля 1945 г.). — 302 с.
7. Великая Отечественная война 1941 – 1945 годов. В 12 т. — М.: Кучково поле, 2014. — Т. 8. Внешняя политика и дипломатия Советского Союза в годы войны. — 864 с.
8. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. — М.: ОГИЗ, Государственное издательство политической литературы, 1947. — Т. 3. 1 января – 3 сентября 1945 г. — 791 с.
9. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941 – 1945 гг.: Сборник документов. — М.: Политиздат, 1984. — Т. 6. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трёх союзных держав — СССР, США и Великобритании (17 июля – 2 авг. 1945 г.). — 511 с.
10. Семиряга, М.И. Как мы управляли Германией / М.И. Семиряга. — М.: РОССПЭН, 1995. — 400 с.

11. Чуев, Ф. Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева / Ф. Чуев. — М.: ТЕРРА, 1991. — 623 с.